

ЯКОВЛЕВА Мария Николаевна / Maria YAKOVLEVA

| Текст как пространство инициации. Рецензия на книгу Л. Д. Бугаевой «Литература и rite de passage» |

ЯКОВЛЕВА Мария Николаевна / Maria YAKOVLEVA

Россия, Санкт-Петербург.

РГПУ им. А. И. Герцена. Кафедра теории и истории культуры.

Кандидат культурологии, доцент.

Russia, St. Petersburg.

Herzen State Pedagogical University. Department of theory and history of culture.

PhD in cultural research, senior lecturer.

mnyakovleva@gmail.com

ТЕКСТ КАК ПРОСТРАНСТВО ИНИЦИАЦИИ. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ Л. Д. БУГАЕВОЙ «ЛИТЕРАТУРА И RITE DE PASSAGE»

Книга Л. Д. Бугаевой посвящена ситуациям перехода и их претворению в тексты разного типа, она является своеобразным лабиринтом, мотивирующим читателя к постоянным переходам от одной герменевтической стратегии к другой, иллюстрируя тем самым понятие концептуальной метафоры — «проекции структуры источника на структуру цели». Тонкость и глубина исследования отдельных аспектов перехода позволяет воспринимать текст книги как дискретную структуру, каждая часть которой

обладает самостоятельной ценностью. Однако отдельные фрагменты с их сложным образом переплетающейся проблематикой создают единое поле напряжения, в котором читательская мысль едва успевает следить за линией мысли авторской, преодолевая, но в то же время и подчеркивая ее разрывы. Для книги в целом, как кажется, принципиально важен момент открытости и незавершенности — возможности обнаружения неких дополнительных, не раскрытых в настоящем исследовании аспектов перехода, притаившихся на границах различных текстов и методов их интерпретации.

Ключевые слова: переход, дискурс, интермедийность, инициация, линия, лабиринт, концептуальная метафора, разрыв, трансгрессия, незавершенность

Text as a Spase of Initiation. Review of the Book "Literature and Rite de Passage" by Lyubov Bugaeva

This book, written by Lyubov Bugaeva, is not simply dedicated to various rites of passage and their literary versions, but is itself a kind of labyrinth, urging the reader to pass from one hermeneutic strategy to another. As a result, it serves as an illustration of a conceptual metaphor, which is "a mapping of the source and the target domain". Subtlety and depth of some dimensions of the rite of passage allows us to perceive the book's text as a discrete structure, every part of which has its own value. The fragments, though separate, together with its complexly intertwined subject matter, create a single field of tension where the reader can follow the author only with difficulty, while both overcoming the gaps and emphasizing them. In my opinion, it is of great importance for a book to remain open and, in a sense, incomplete. This offers the possibility of discovering extra dimensions relating to rites of passage that lurk on the borders of various texts and their interpretations.

Key words: rite de passage, discourse, initiation, labyrinth, metaphor, transgression

«Между прочим, если сделать жутко длинные лимузины, то водители вообще не понадобятся.

Люди будут заходить в них сзади, проходить по салону и выходить спереди — и как раз там, куда хотят попасть».

Фоер Д. С. «Жутко громко и запредельно близко»

«М^ы с тобой явились на свет слишком рано и в то же время слишком поздно. Нашим делом будет самое трудное и наименее славное: переход», — писал в 1850 году Гюстав Флобер своему другу Л. Буйе. Пожалуй, трудности переходной эпохи и сегодня никто отрицать не станет. Однако снискать славу на поприще осмысления феномена перехода — осмысления,

ЯКОВЛЕВА Мария Николаевна / Maria YAKOVLEVA

| Текст как пространство инициации. Рецензия на книгу Л. Д. Бугаевой «Литература и rite de passage» |

фундированного в переживании, вполне возможно. Это доказывает, собственно, как творческая судьба самого Флобера, так и книга, которую нам сейчас предстоит сделать предметом обсуждения.

«Если человеческая жизнь предстает как последовательность переходов из одного состояния в другое, и нахождение между мирами выделяется как особая зона, то закономерно предположить существование дискурса перехода — отражения этого особого состояния в рамках дискурсивных систем. Дискурс перехода, то есть совокупность высказываний, возникающих в различных дискурсивных формациях, образующих определенную систему и обладающих общим значением перехода, выходит за рамки отдельного текста и функционирует как синхронический, образованный общей культурной системой, на основе общих для ряда текстов закономерностей», — таково исходное положение книги Л. Д. Бугаевой (с. 3). Далее автор анализирует разные дискурсы перехода («один из дискурсов перехода — дискурс, или протокол, умирания» (с. 4)), называя их также дискурсивными стратегиями перехода («Одной из дискурсивных стратегий перехода выступает интермедальность...» (с. 5)). Таким образом, вопрос о том, следует ли мыслить дискурс перехода как единую систему, предполагающую несколько основных стратегий, или же мы имеем дело с «пучком» разбегающихся стратегий, каждая из которых совершенно самостоятельна, возникает сразу же, и в итоге остается открытым благодаря логическому построению исследования.

Переход — одна из наиболее универсальных культурных категорий. Ее непреходящая значимость обусловлена наличием в культуре границ и разрывов — как в пространстве, так и во времени, — которые обнаруживаются или производятся ради преодоления. Сердце любого акта семиозиса — переход воспринимающего сознания от означающего к означаемому или наоборот, совершающийся различными способами. Тут возможна как континуальная аккумуляция информации, так и мгновенный акт понимания, прерывающий постепенные мыслительные процессы. Работа этих гетерогенных герменевтических механизмов приводит к трансформации личности воспринимающего, — трансформации, которая может протекать в разном темпе и в соответствии с разными динамическими схемами.

Исторически первичный тип мировоззрения был одновременно и результатом некоего изначально совершившегося перехода — от животной психики, способной пользоваться лишь примитивными сигналами, к человеческому сознанию, усматривающему за чувственно ощущаемыми предметами смыслы, бытийствующие в некоей иной плоскости, в ином мире, и, с другой стороны, пространством, в котором каждый посвящаемый имел возможность — и должен был — вновь и вновь совершать переходы-инициации, изоморфные тому, архетипическому, первоначальному, ради сохранения мироздания и реализации собственных потенций.

Таким образом, переход — это ключевая категория динамики человеческого сознания. Тексты культуры с самого начала воспроизводили структуру пространств, предполагающих переход, и содержали подвижные элементы, своим поведением вычерчивающие линии перехода. Чтобы проиллюстрировать это положение, достаточно вспомнить, к примеру, структуру волшебной сказки, проанализированную В. Проппом. По мере

развития культуры тексты множились, дифференцировались, вступали в соприкосновение, составляли иерархические системы, находясь при этом в непрерывном движении. В ходе этих процессов выработались самые разнообразные способы репрезентации переходности, которые, на первый взгляд, совершенно невозможно каталогизировать. Идея пути и его траектория, линия и лабиринт, граница и ее пересечение, мотив умирания и воскрешения, самые разные метаморфозы и трансформации, инициации разного типа, цели этих инициаций, испытания, образы посредника и спутника, риск и опасность, негарантированность результата — все это с трудом поддается рационализации.

Мои размышления, предшествовавшие знакомству с рецензируемой книгой Бугаевой, выстроили примерно следующую картину.

В конкретной ситуации, очевидным образом, можно различить: а) субъекта, совершающего переход; б) пространство, в котором переход совершается. Примерами могут являться самые разные ситуации: от какого-либо единичного символа, внутри которого движется мысль воспринимающего, до объемного текста авантюрного романа, рассказывающего о приключениях героя, которые приводят к ментальной трансформации последнего. Однако пространство перехода может и само по себе быть не неподвижным, но само находиться в процессе перехода. На сегодняшний день существует целый пласт научной литературы о переходных эпохах, противопоставляемых периодам относительной стабильности. С другой стороны, переходные эпохи порождают личности соответствующего типа, например — «художников перехода». И можно предположить, что переходность как качество человека или эпохи уже изначально усиливает переходность творимых ими текстов. Так, «Одиссея» Гомера, будучи произведением переходной эпохи «от мифа к Логосу», обладает целым спектром характерных свойств. Она, во-первых, самой своей структурой воспроизводит обряд инициации, ибо в ней рассказывается о пути возвращения героя на родину, и этот путь представляет собой череду испытаний, заставляющих Одиссея балансировать на грани жизни и смерти, а однажды даже и преодолеть границу мира мертвых, чтобы — конечно же! — обрести знание своего будущего и вернуться в мир живых. Во-вторых, она отражает процессы, происходившие в меняющейся культуре греков догомеровских и гомеровских времен, словно бы «сворачивая» время в своем тексте: здесь мы можем наблюдать отражение феноменов религиозной, этической, бытовой сферы жизни, относящихся к разным временным периодам. В-третьих, она заставляет нас переключаться с одного типа повествования на другое: приключения Одиссея излагаются то от лица Гомера, то от лица самого Одиссея. В-четвертых, она содержит множество особых семантических конструкций — развернутых сравнений, основанных на соизмерении разных сущностей, между которыми наше сознание всяких раз совершает переход. Таким образом, на всех уровнях текстовой структуры поэмы так или иначе проявляется свойство переходности.

Однако книга Бугаевой учит видению гораздо более тонких нюансов ситуации перехода и ее отражения в дискурсе — не только литературном, как заявлено в названии, но и кинематографическом, живописном, а также в дискурсе перформанса.

ЯКОВЛЕВА Мария Николаевна / Maria YAKOVLEVA

| Текст как пространство инициации. Рецензия на книгу Л. Д. Бугаевой «Литература и rite de passage» |

Нежелание ограничивать себя исключительно литературной сферой связано, думается, с одним из аспектов переходности — интермедальностью, — проанализированным в последней главе, который просто должен был поэтому быть присущим и самой книге. Наверное, поэтому книга встречает нас кадром из фильма Ж. Кокто «Орфей», а в середине радуется иллюстрациями — фотографиями, репродукциями живописных произведений.

Казалось бы, находясь внутри перехода, непосредственно переживая его (а автор находится именно внутри него: «Книга явилась для меня переходной во многих смыслах» (с. 6)), невозможно схватить сущность переходности как таковой, ибо «нет языка, способного выразить, локализовать переход как «место» в пространстве и времени, нет дистанции и соответствующего «взгляда», отчужденного и не вписанного в динамику событий перехода»¹. Однако отсутствие такого непосредственного переживания исключило бы и саму постановку вопроса... Здесь же активно разворачивается цитируемое Л. Д. Бугаевой положение Ж. Бодрийяра: «описывать и анализировать — недостаточно для теории <...> теория должна стать частью описываемого мира, ускорением его логики» (с. 6).

В книге семь глав. Читатель движется сквозь них, подобно шумерскому божеству Инанне, проходящей через семь врат на своем пути в подземный мир. Только Инанна всякий раз лишается одного из своих талисманов, а мы лишаемся только иллюзии простоты и проходим этапы инициации, постигая ту самую переходность. Задача все более усложняется, поскольку наш путь начинается с архетипического сюжета об Орфее и Эвридике, а заканчивается актуальнейшим понятием интермедальности в современных литературных текстах.

В первой главе перед нами разворачиваются три сюжета, вращающихся вокруг идеи духовной трансформации личности в результате прохождения некоего пути: древнегреческая легенда об Орфее и Эвридике как мифопоэтическая форма перехода из жизни в смерть и из смерти в жизнь, библейский миф о пути в Дамаск как переход из жизни не в смерть, но в другую жизнь к новой идентичности, а также масонские ритуалы посвящения. Автор демонстрирует преломление этих сюжетов в литературе XX века (мотив Орфея побуждает вспомнить также музыкальные и кинематографические тексты) — в поэзии А. Блока, В. Брюсова, А. Белого, М. Кузмина, Р. Рильке, в прозе В. Набокова, Ф. Сологуба, Г. Газданова, М. Осоргина, в драматургии А. Стриндберга, — воспроизводство их древних мотивов и, в дальнейшем, существенная перекодировка, новое их прочтение. Здесь чрезвычайно интересно следить за тем, как старый текст становится претекстом нового, порождая этот новый в соединении с иными текстами. Наиболее пристально Л. Д. Бугаева всматривается в рассказы В. Набокова. Пожалуй, его тексты предстают в книге наиболее причудливыми феноменами интертекстуальности.

Вторая глава представляет нам историю Фауста сквозь призму современного понятия трансгрессии. Фаустианская трансгрессия, такая, какой она выглядит в трактовке, прежде всего, К. Марло, а потом преломляется в текстах В. Набокова, становится здесь моделью поиска ответа на загадку бытия. Это са-

мая трагическая глава книги, поскольку она напоминает нам о возможности предельно неблагоприятного исхода попытки пройти через трансформацию. «История доктора Фауста, заключившего сделку с дьяволом и обменявшего спасение души на знание, — это история несостоявшегося перехода от знания, ограниченного исторически, культурно, социально, биологически и т. д. к всезнанию и, как следствие, к абсолютной власти над миром, то есть история перехода (вернее, неперехода) из порядка человека в порядок бога» (с. 59). Далее в качестве более частного варианта модели несостоявшегося перехода мы находим в этой главе феномен концептуализации тайны, который рассматривается на материале текстов В. Набокова.

Уже отмечалось, что наряду с образом путника и мотивом пути чрезвычайно важно и то пространство, в котором происходит переход. Поэтому в третьей главе рассматривается специфический вид путешествия — quest. Конечная цель пути-quest'a — отыскать Ultima Thule — границу ойкумены, область самую северную и труднодоступную, а возможно, находящуюся и вовсе за пределами обитаемого мира; это остров, в древних греческих и кельтских текстах выполняющий роль сакрального иницирующего центра, а также место обитания людей после смерти. В центре внимания — Г. Лонгфелло, М. Метерлинк, Ф. Сологуб, В. Набоков, но в особенности — набоковский рассказ *Ultima Thule*. Тут в ткань дискурса влетают и линия Орфея, и линия Фауста, и тем самым подводится итог первой части книги: раскрывается механизм дискурса, образованного глубинным взаимодействием этих мотивов.

В четвертой главе фактической подоплекой сотворения дискурса перехода становится эмиграция, а творцами такового — женщины (особенно это заметно в первом параграфе). Основными же мотивами остаются остров и путешествия-quest'a. «Эмиграция выступает как rite de passage и, соответственно, подлечит и фазовой категоризации: прелиминарная (обряд отделения), лиминарная (промежуточное состояние) и постлиминарная (обряд включения) фазы. С завершением первой фазы — отделения в искусстве эмиграции, в первую очередь, в литературе, часто возникает образ острова, замкнутое пространство которого либо соотносится с покинутым пространством (родиной) и представляет собой ретроспективное видение, либо — реже — антиципирует пространство нового (или идеального) места обитания» (с. 157). И «в то же время остров как особый — реальный и вместе с тем ментальный — мир по сути является аналогом самого промежуточного состояния, лиминарной фазы обрада перехода...» (с. 158). Далее анализируется целый ряд творческих стратегий, связанных с переживанием отчуждения как от родной, исходной, так и от вновь обретенной среды, и направленных на вписывание себя в новое пространство. Здесь рассматривается творчество М. Абрамович, Ш. Нешат, Н. Берберовой и Ю. Кисиной, причем в поле анализа попадают тексты разной природы — перформансы, фотографии, видеофильмы. Глава также содержит типологическую характеристику литературы русской диаспоры постсоветского периода и исследование диаспорного и эмигрантского сознания.

Пятая глава объединяет дискурсивные стратегии, располагающиеся «между жизнью и смертью»: художественный протокол умирания и психоделический дискурс в литературе

¹ Подорога В. А. Выражение и смысл. — М., 1995. С. 148.

ЯКОВЛЕВА Мария Николаевна / Maria YAKOVLEVA

| Текст как пространство инициации. Рецензия на книгу Л. Д. Бугаевой «Литература и rite de passage» |

XX века. «Беглый экскурс в религиозно-философскую концепцию человека позволяет обозначить основные положения, конституирующие художественный протокол умирания: физическое тело, описание ощущений которого (на перцептивном уровне) составляет дискурс собственно умирающего тела; сознание, дискурсивно представленное ходом мыслей человека перед смертью; фрагмент окружающего мира (в частности, интерьера), в который было «вписано» умирающее тело (зафиксированный либо сознанием умирающего, либо остранным сознанием повествователя); душа, формирующая дискурс внетелесного бытия человека; дух, часто рализованный в виде формулы-определения высшего сущностного начала в человеке» (с. 215–216). Л. Д. Бугаева показывает, как, в зависимости от культурного контекста, меняются смысловые акценты дискурса умирания. Во втором параграфе главы мы встречаемся с разнообразными примерами психоделической литературы, фиксирующей опыт расширения сознания, выхода его за привычные рамки и пребывания в иных пространствах.

В главе шестой представлен автобиографический дискурс как средство фиксации пишущим себя и своих телесных про-

явлений в пороговых ситуациях, а далее — телесная нехватка как повод к духовной трансформации и новой идентичности.

Наконец, последняя глава книги открывается тезисом: «интермедальность, понимаемая как взаимодействие художественных кодов разных видов искусства, может выступать каналом, по которому осуществляется переход из одного состояния в другое, сопоставимый с широким пониманием rite de passage» (с. 317). И вот тут-то вводится, видимо, одно из ключевых понятий исследования — концептуальная метафора.

Таким образом, книга Бугаевой Л. Д. не только повествует о самых разных ситуациях перехода и их претворении в тексты, но и предстает как своеобразный лабиринт, мотивирующий читателя к постоянным переходам от одной герменевтической стратегии к другой, иллюстрируя тем самым понятие концептуальной метафоры — «проекции структуры источника на структуру цели». Для книги в целом принципиально важен момент открытости и незавершенности — возможности обнаружения новых аспектов перехода, притаившихся на границах различных текстов и методов их интерпретации.

